

Е. П. Шубин Детские и юношеские годы С.П. Шубина

Семен Петрович Шубин родился 18 (31) июля 1908 г. в г. Либава (ныне г. Лиепая Латвийской ССР). Он был вторым ребенком в семье Шубиных-Виленских. Его отец Петр Абрамович Виленский, будучи в 1903—1906 гг. студентом Киевского университета, активно участвовал в студенческом движении в революции 1905 г., за что был исключен из университета и перешел на нелегальное положение. Еще до этого он сотрудничал в либеральной газете «Киевская Мысль» корреспондентом и принял там псевдоним П. Шубин. Этот псевдоним был сохранен им в его дальнейшей журналистской и общественной деятельности. В начале 1906 г. он женился на Анне Израилевне Цитрон (1885—1972), окончившей Киевскую повивально-фельдшерскую школу (работать ей по этой специальности в дальнейшем не пришлось). По паспорту, как и муж, она носила фамилию Шубина-Виленская, а их дети — фамилию Шубины.

Осенью 1906 г. у них родился первый сын Евсей — автор этих строк. Вскоре после его рождения отец, оставив жену с сыном в Киеве, перебрался в Москву, где работал корреспондентом газеты «Киевская Мысль» и одновременно учился на юридическом факультете МГУ, который окончил в 1910 г. Поскольку устроить семью на постоянное жительство тогда не удалось, то летом 1908 г., когда Анна Израилевна ждала второго ребенка, отец отправил ее с сыном в Либаву, где тогда жил наш дед Абрам Евсеевич Виленский (1850—1935). Там и родился второй сын Семен. Осенью 1908 г. семья переехала в Киев, а потом в Гомель, где жил отец матери. Только в мае 1910 г. отцу удалось получить в Москве квартиру, где вся семья прожила до ноября 1913 г. В конце 1913 г. отец с семьей переехал в Петербург, где поступил на работу редактором отдела газеты «Биржевые Ведомости». С детских лет С. П. проявлял великолепную память в сочетании с большой любознательностью и доброжелательностью к окружающим. Хотя он был моложе меня на 2 года, но мы вскоре стали читать одни и те же книжки, а затем газеты и журналы. Во время Балканской войны 1912-1913 гг. мы уже свободно ориентировались по карте военных действий и, следя за сообщениями в газетах, передвигали флажки по линии фронта. Начало первой мировой войны застигло мать с детьми в Либава. Им с большим трудом удалось добраться до Петербурга. Там в сентябре 1914 г. родился третий сын Эммануил. С тех пор ни я, ни С.П. больше в Либава не были.

В 1915 г. родители начали готовить старших сыновей к школе. К этому времени я и Сима (так в семье звали С. П.) уже свободно читали и грамотно писали, соблюдая нелегкие правила старой орфографии. Слабым местом у нас был неразборчивый почерк из-за отсутствия занятий по чистописанию. В это же время нас начали учить французскому языку и арифметике, что нам давалось легко.

Зимой 1915-1916 гг. Сима заболел скарлатиной, сильно похудел, потерял почти всю свою шевелюру, а главное - у него резко ухудшилось зрение. Из-за большой близорукости он с конца 1916 г. постоянно носил очки уже до конца жизни. Осенью 1916 г. я и Сима поступили в частное реальное училище Карла Мая на Васильевском острове, пользовавшееся широкой популярностью в Петербурге. Здесь учились такие известные художники, как А. Н. Бенуа, Н. К. Рерих и К. А. Сомов,

а также ныне здравствующий академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Вступительные экзамены -- я в третий класс, а Сима в первый -- мы сдали легко и на протяжении двух лет до 1918 г. получали только хорошие и отличные оценки, особенно по математике, русскому и французскому языкам. Разумеется, этому способствовала домашняя обстановка. В эти годы наш отец был уже хорошо известен в среде журналистов и писателей Петербурга. В нашей квартире на Офицерской улице часто бывал писатель Андрей Белый, впоследствии тепло отозвавшийся в своей автобиографической повести «Между двух революций» (1934) об отце. Бывал у нас также популярный тогда критик и театровед Аким Львович Волынский.

Февральская революция 1917 г. началась буквально на наших глазах. Вблизи дома, где мы жили, находилась тюрьма (Литовский замок), которую взяли восставшие, и она горела несколько дней. На чердаке нашего дома полицейские установили пулемет, безуспешно пытаясь рассеять запрудившую улицу толпу. Наш отец восторженно приветствовал февральскую революцию и сразу примкнул к группе социалистов-пораженцев, называвших себя интернационалистами. Ее тогда возглавлял А. М. Горький. Вскоре эта группа стала выпускать свою ежедневную газету «Новая Жизнь». Отец был ее постоянным сотрудником до переезда редакции в Москву в июне

1918 г.

Весной 1918 г. продовольственный кризис в Петрограде достиг небывалых размеров. По карточкам выдавали хлеб зеленоватого цвета с большими примесями. Мясо было только на рынке, где торговали кониной, выдавая ее за говядину. Одно время нас выручали посылки от деда, который накануне взятия Либавы немцами, эвакуировался в г. Ромны (ныне Сумской области). После Брестского мира связь с Ромнами оборвалась, так как весной 1918 г. немцы оккупировали всю Украину и часть Белоруссии. В результате установления дипломатических отношений Советской России с Германией в Петрограде открылось германское посольство и появилась возможность легально выезда из Петрограда на Украину при условии получения в посольстве пропусков. Тогда родители решили уехать из Петрограда, по возможности, на Украину. Событием, ускорившим этот выезд, стал перевод столицы из Петрограда в Москву (март 1918 г.) и переезд туда редакций многих газет, в том числе и «Новой Жизни». О переезде семьи в Москву при отсутствии перспективы получить жилье не могло быть и речи. Пришлось принять нелегкое решение о выезде из Петрограда в разных направлениях: отца в Москву, а матери с детьми на Украину. Отец сдал всю нашу мебель в библиотеку на хранение в один из складов, вскоре национализированных. Таким образом, все сданное имущество исчезло навсегда. Затем отец переехал в Москву, надеясь при первой возможности перебраться к нам на Украину, что стало возможным только через полгода.

В начале лета 1918 г. мать с детьми отправилась в путь, захватив с собой только самую необходимую одежду. Путешествие из Петрограда в Ромны летом 1918 г. было не только тяжелым, но и рискованным. Поезда из Петрограда ходили только до Орши, где был пропускной пункт немецкой комендатуры. Для переезда через границу требовались документы с визой германского посольства, их у нас не было. Продержав нас в этом пункте целый день, немцы, наконец, сжалились и пропустили на свою территорию. С большим трудом мы добрались до Гомеля, где тогда жили отец и сестры матери. Долго оставаться там мы не могли и вскоре отправились в Ромны. Там дед присмотрел для нас небольшую дачку, где мы пробыли до конца лета. Зимовать там было невозможно. Мать списалась с сестрой отца в Киеве и осенью мы переехали к ней в Киев, затем в Дарницу на зимнюю дачу сестры мужа. Там мы прожили около года. Дарница тогда не входила в черту г. Киева, а была небольшим железнодорожным поселком. Наступающие на Киев с востока войска обязательно проходили через неё, и она неоднократно переходила из рук в руки. Во время нашего приезда там были немцы, хотя в Киеве формально правил гетман Скоропадский. После капитуляции Германии и свержения кайзера в ноябре 1918 г. немцы тихонько исчезли. Вместо них появились петлюровцы. Их пребывание стало самым беспокойным периодом для жителей Дарницы. По ночам бродили группы солдат — либо освободившихся из немецкого плена и следовавших пешком по домам, либо дезертиров-петлюровцев, а то и просто бандитов. Именно в это время к нам, наконец, приехал из Москвы отец. Немногие вещи, которые он захватил с собой, пропали в дороге. Вскоре после его приезда в феврале 1919 г. в Киев вступили войска Красной Армии и был восстановлен порядок. Отец сразу перебрался в Киев и поступил работать защитником при Реввоентрибунале 12-й армии; мать с детьми пока оставалась в Дарнице, куда отец часто приезжал. Однако такая наладившаяся было жизнь продолжалась недолго. В августе Киев был захвачен деникинцами. Отцу, застрывшему в Киеве, пришлось немедленно перейти на нелегальное положение. Его приютил в своей квартире один из его подзащитных. В Дарнице соседи, конечно, знали о работе отца в Реввоентрибунале и нам оставаться там было невозможно. Захватив самые необходимые вещи, мы добрались до Киева, где поселились в квартире сестры отца. Там мы пробыли самые тяжелые дни гражданской войны на Украине, когда в Киеве свирепствовал белогвардейский террор, продолжавшийся три с половиной месяца.

В эти дни мы встречались с отцом изредка и украдкой, его жизнь висела па волоске. В середине декабря 1919 г. Красная Армия снова овладела Киевом. Отец немедленно поступил на работу в редакцию газеты ЦК Компартии Украины «Коммунист», где его тогда же приняли в партию. Вскоре нам предоставили в порядке уплотнения две комнаты в большой благоустроенной квартире инженера-путейца Маркова в центре города. Хозяин квартиры был в длительной командировке, а его жена отнеслась к нам хорошо и разрешила пользоваться обширной библиотекой. Мать решила устроиться на работу в Реввоентрибунал 12-й армии секретарем.

Весной 1920 г. отца, работавшего корреспондентом украинского отделения Российского

телеграфного агентства (Укроста), пригласили переехать в г. Харьков, тогда столицу УССР. В начале апреля 1920 г. он поехал туда, чтобы устроиться на работу и получить жилье для семьи. Однако события развернулись по-иному — в конце апреля неожиданно началась война с Польшей. Ее войска стремительно приближались к Киеву и в начале мая овладели им. Реввоентрбуналу 12-й армии за несколько дней до этого для эвакуации был предоставлен небольшой пароход, на котором выехали и наша семья. По Днепру и Десне мы добрались до станции Макошино на железной дороге Гомель—Бахмач. Здесь всех перегрузили в теплушки и довели до Харькова, где нас встречал отец. Харьков был забит эвакуированными, и мы с трудом устроились в номере гостиницы. Стояло жаркое лето, и родители решили, чтобы мать с детьми уехала на лето к брату отца, который жил в поселке Навашино при станции железной дороги Москва—Казань. Дядя приезжал с завода, где он работал, поздно вечером и то не всегда, а его жене вовсе ни к чему было наше появление. Мы прожили там около месяца и как только отец сообщил о получении жилья немедленно вернулись в Харьков. Там нас поселили в двух комнатах большой квартиры 7-го Дома Советов по Мироносицкой улице. В этой квартире, где помимо нас жили работники профсоюзов Украины, мы оставались до нашего переезда в Москву.

Во время двухлетних скитаний по Украине в разгар гражданской войны ни о каком систематическом обучении детей не могло быть и речи. Но мы занимались французским языком у одной женщины, жившей рядом с нами в Дарнице, кроме того, к концу пребывания семьи в Киеве отец приносил книги из университетской библиотеки, в основном по математике. С помощью родителей мы читали классиков русской литературы и французские книги.

При переезде в Харьков занятия приобрели систематический характер. Так, мы одновременно стали заниматься тремя европейскими языками. На французском языке мы уже читали рассказы Мопассана. Английский язык изучали по известному тогда учебнику Нурика и очень быстро освоили его. Хуже обстояло дело с немецким, особенно с грамматикой, которую мы вообще не любили. Кроме того, после немецкой оккупации на Украине у нас осталось стойкое отвращение ко всему немецкому. Была приглашена к нам также учительница математики, которая после ознакомления с нашей подготовкой посоветовала родителям устроить нас в недавно открытый Харьковский механический техникум.

Однако временно от этого пришлось отказаться, так как зиму 1920—1921 гг. все дети болели, в особенности Сима. Он перенес малярию, нефрит, наконец, заболел брюшным тифом, правда в легкой форме. Поэтому ранней весной 1921 г. мать с детьми отправилась в Евпаторию. Здесь мы прожили несколько месяцев, купаясь в море и принимая грязевые процедуры, после чего значительно окрепли. Вернувшись в Харьков осенью 1921 г., мы приступили к занятиям в Харьковском механическом техникуме — я на третьем (последнем) курсе, а Сима — на втором. Преподавание вели учителя расформированных гимназий и реальных училищ, как правило, на высоком уровне, особенно по математике и физике.

Состав учащихся был неровный: наряду с прежними учениками гимназий, там учились и демобилизованные красноармейцы. В моей группе оказались такие впоследствии крупные ученые, как знаменитый математик академик Сергей Львович Соболев (1908—1989) и выдающийся радиохимик член-корреспондент АН СССР Борис Алексеевич Никитин (1906—1952). Сима попал в значительно менее подготовленную группу и быстро догнал, а затем и перегнал своих сверстников. Особенно больших успехов он добился в занятиях математикой и физикой. В этом техникуме я проучился только один год и осенью 1922 г. был зачислен студентом Харьковского технологического института. Летом 1923 г. мать снова увезла детей в Крым, на этот раз в санаторий «Харакс», где мы пробыли два месяца и хорошо отдохнули. К этому времени Сима уже окончил техникум и осенью 1923 г. был принят на первый курс физико-математического факультета Харьковского университета, называвшегося тогда Институтом народного образования. Вступительных экзаменов тогда не было, их заменяло собеседование, причем принимали начиная с шестнадцати лет. Симе в это время было только пятнадцать, но по ходатайству отца он получил разрешение на поступление. На этом факультете Симе пришлось учиться только один семестр. В декабре 1923 г. вся семья в связи с переводом отца на другую работу переехала в Москву. В 1922 г. он был приглашен в качестве одного из защитников для участия в известном процессе группы правых эсеров, во время которого познакомился со многими работниками московских газет, а также с Н. И. Бухариным, который был тогда главным редактором «Правды». Узнав о том, что отец

хорошо владеет тремя европейскими языками, Н. И. Бухарин предложил ему перейти на работу в иностранный отдел «Правды».

Однако для такого перехода требовалось согласие по партийной линии, которого удалось добиться только к концу 1923 г. По приезду в Москву нас временно разместили в общежитии Наркоминдела СССР в особняке богача Тарасова на Спиридоновке. Там мы прожили до февраля 1924 г., пока производился ремонт главного корпуса дома № 19 по Трубниковскому переулку между Арбатом и ул. Воровского. В этом доме ранее помещался Наркомат национальностей РСФСР, где наркомом был Сталин, в 1922 г. в связи с образованием СССР этот Наркомат был расформирован. В отремонтированном доме наша семья получила две больших комнаты в квартире из тринадцати комнат. В одной из них поселились родители с младшим сыном, а в другой я и С. П., который в порядке перевода из Харьковского университета был принят на второй семестр первого курса физического факультета МГУ. К этому времени его научные интересы окончательно определились, хотя ему было лишь 16 лет. Он решил посвятить себя теоретической физике, так как экспериментальной не мог заниматься из-за слабого зрения. Математику он рассматривал только как инструмент, необходимый для научного познания, что не мешало ему освоить все разделы математики в объеме университетского курса. Громоздких вычислений он тогда не любил и в случае их необходимости старался использовать своих приятелей среди студентов.

В МГУ Семен Петрович впервые оказался в среде, соответствующей его способностям и наклонностям. Он быстро освоился в ней и приобрел друзей сначала среди студентов, а затем и преподавателей. Наиболее близким к нему в эти годы был будущий академик Александр Александрович Андронов (1901-1952). В 1924 г. он был студентом последнего курса МГУ, а С. П. — первого. В 1924—1928 гг. А. А. Андронов очень часто приходил к нам домой вместе с Семеном Петровичем после занятий в университете. С его приходом начинались бурные разговоры о последних событиях, а таких событий на физфаке было не мало. В 1924 г. кафедру теоретической физики возглавлял Аркадий Клементьевич Тимирязев — сын знаменитого биолога и прогрессивного общественного деятеля К. А. Тимирязева. Аркадий Клементьевич учился за границей и до первой мировой войны работал в Кембриджском университете на кафедре знаменитого физика Дж. Дж. Томсона. Однако в глазах Семена Петровича, А. А. Андронova и других студентов у А. К. Тимирязева был недостаток, полностью исключающий благожелательное отношение к нему, — он не признавал современной физики, в особенности теории относительности Эйнштейна, пытаясь обосновать это ссылкой на фантастические опыты Дейтона — Миллера, якобы обнаруживающие «эфирный ветер». А. А. Андронов и С. П. иронически замечали, что при использованной в этих опытах методике «эфирный ветер» нетрудно спутать с обычным ветром. Неприемлемой для А. К. Тимирязева была также квантовая механика Нильса Бора и его учеников. Такому физическому, по мнению А. А. Андронova и его друзей, нельзя было доверять обучение студентов, а тем более руководство кафедрой теоретической физики. Но избавиться от такого руководителя было очень трудно, так как он пользовался поддержкой партийного руководства МГУ.

Эта ситуация на факультете коренным образом изменилась, когда там появился Игорь Евгеньевич Тамм. С ним мне удалось познакомиться только в 1956 г., через много лет после смерти С. П. Он был не только крупнейшим физиком, но и на редкость справедливым и мужественным человеком. Он первый обратил внимание на исключительные способности Семена Петровича и всячески помогал ему в течение всей его короткой жизни. Одна из первых опубликованных работ С. П. по квантовой теории фотоэффекта в металлах была выполнена совместно с Игорем Евгеньевичем. По его же инициативе сразу же после организации физической секции ВАК С. П. была присвоена ученая степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации, а также ученое звание профессора теоретической физики.

Объединенными усилиями И. Е. Тамма, А. А. Андронova и их друзей удалось, наконец, добиться решения о замене А. К. Тимирязева на кафедре теоретической физики и начался поиск подходящей кандидатуры на его место. По рассказам Семена Петровича одно время рассматривалась кандидатура физика-теоретика Пауля Эпштейна (1883—1966), окончившего в свое время МГУ, но с 1919 г. работавшего в Швейцарии. Однако этот вариант отпал после того, как Эпштейн выдвинул в качестве предварительного условия оплату его долгов советским

правительством. Тогда И. Е. Тамм предложил кандидатуру профессора Леонида Исааковича Мандельштама (1879—1944), возглавлявшего кафедру физики Одесского политехнического института, на который в 1921—1922 гг. работал Игорь Евгеньевич. В Одессе он стал большим другом Леонида Исааковича, хотя в их характерах и образе жизни было мало общего. В отличие от экспансивного Игоря Евгеньевича, заядлого путешественника и альпиниста, Леонид Исаакович отличался спокойным и уравновешенным характером типичного ученого-мыслителя. Семен Петрович сразу почувствовал к нему не только глубокое уважение, но и большую симпатию. Со своей стороны Леонид Исаакович быстро оценил способности С. П. и привлек его к научной работе на кафедре. Именно у него Семен Петрович в 1927 г. защитил диплом с отличием, после чего по рекомендации Л. И. Мандельштама был оставлен аспирантом при его кафедре. По рассказам С. П. у Леонида Исааковича периоды активной умственной работы иногда сменялись периодами разрядки, когда он много времени уделял чтению литературы. Прекрасно зная французский, немецкий и английский языки, он отдавал предпочтение французским романам XIX века.

Таким образом, за годы своего учения в МГУ Семен Петрович очень быстро из способного студента превратился в молодого ученого в области теоретической физики, которому преподаватели и друзья-студенты единодушно предсказывали блестящее будущее. Но Семен Петрович был не таким человеком, чтобы полностью посвятить себя научной карьере. У него были также и другие интересы и увлечения, от которых он не хотел отказываться даже во имя физики. С самой ранней юности он проявлял большой интерес к политике, но только поступив в МГУ, стал принимать активное участие в общественной жизни. В 1924 г. он вступил в комсомол и, благодаря своим незаурядным ораторским способностям и темпераменту, быстро завоевал авторитет в комсомольской среде. С осени 1924 г. в комсомоле начались бурные дискуссии с троцкистами. В своей фракционной борьбе с партийным руководством они уделяли особое внимание пропаганде своих идей в студенческой среде. Их усилия не оказались полностью бесплодными. В частности, к троцкистам примкнул тогдашний секретарь комсомольской организации МГУ Аркадий Апирин. Будучи неплохим оратором с демагогическим уклоном, он совершенно забросил занятия и посвятил себя пропаганде троцкистских идей среди студентов. Семен Петрович хорошо знал его и сначала даже иронически относился к его речам, но позже Апирину удалось склонить его на свою сторону. Такой поворот можно объяснить тем, что в отличие от научной работы, Семен Петрович в своей общественной деятельности полагался скорее на эмоции, чем на исторический опыт и здравый смысл. Наш отец, всегда относившийся отрицательно к троцкизму, пытался разубедить Семена Петровича, но безрезультатно. Оставшись в меньшинстве среди комсомольцев МГУ, Апирин был вскоре снят с поста секретаря организации.

После попытки организации контрдемонстрации в ноябре 1927 г. Троцкого и его соратников исключили из партии, а затем волна исключений достигла и комсомольских организаций — Семен Петрович вместе с Апириным и другими были исключены из комсомола. Хотя он, конечно, был удручен таким поворотом событий, но вскоре увлекся научной работой на кафедре Л. И. Мандельштама. Там тогда работало много талантливой молодежи, в том числе будущий академик Михаил Александрович Леонтович (1903—1981). Он быстро подружился с Семеном Петровичем и часто приходил в нашу квартиру на Трубниковском переулке.

Летом 1928 г. Семен Петрович женился на студентке физического факультета МГУ Любове Абрамовне Шацкиной, сестре известного комсомольского вожака Лазаря Шацкого. Ей было тогда 19 лет и она жила в общежитии. Возникла проблема поселения в нашей квартире молодой супружеской пары. С. П. привык к этой квартире и ему не хотелось уезжать, а потому он предложил ту комнату, где он жил, разделить перегородкой. Получилась узенькая комната площадью около 7 м², в которой и поселилась молодая пара. Семен Петрович был настолько скромным и непритязательным, что когда еще во время строительства перегородки один из друзей нашей семьи, уезжавший в длительную командировку, предложил нам временно использовать его комнату, то С. П. решительно отказался.

В конце ноября 1928 г. к Семену Петровичу пришли с обыском, а затем забрали его с собой. Этот арест был полной неожиданностью для всех нас, так как С. П. в последние месяцы перед этим не выступал ни на каких собраниях и занимался только научной работой. Через несколько дней выяснилось, что вместе с ним арестованы другие исключенные из комсомола, в том числе и Апирин. В это время к нам домой часто приходил М. А. Леонтович. Он был очень огорчен случившимся и выражал недоумение, каким образом Семен Петрович, занятый интенсивной

научной работой, мог еще уделять время и силы для какой бы то ни было политической деятельности.

С. П. просидел в тюрьме около месяца, после чего его выслали из Москвы на поселение в город Ишим на железнодорожной магистрали Тюмень — Омск. Там он жил у местных жителей, как он выражался «на хлебах», т. е. ему отвели комнатуху и кормился он вместе с хозяевами. Это пребывание в Ишиме продолжалось менее года, в течение которого к нему приезжали мать и жена. Они прожили там все лето. Именно в этот период Семен Петрович много работал над переводами и рефератами работ по физике на немецком и английском языках.

В период с апреля 1930 по октябрь 1931 г. я уезжал из Москвы в длительные командировки на новостройки химической промышленности, а поэтому встречался с братом только изредка. Помню, как при первой встрече меня поразил не только его внешний вид, но и настроение. У него появились признаки усталости и пессимизма, чего раньше никогда не было. Он даже выражал сомнение в том, стоит ли ему дальше работать в области теоретической физики. Его основной целью стала полная реабилитация с восстановлением в комсомоле и последующем принятием в партию. Все оппозиционные настроения были ему совершенно чужды. В этот период вся страна была охвачена грандиозным промышленным строительством, шел первый год первой пятилетки.

Семен Петрович решил, что ему, чтобы добиться своих целей, необходимо принять активное участие в какой-либо крупной стройке. Так как у него не было технического образования, то такое участие он представлял себе в виде общественной деятельности. Он выбрал строительство Магнитогорского металлургического комбината, начатое в 1929 г. и проводившееся исключительно высокими темпами с участием десятков тысяч рабочих, занятых тяжелым физическим трудом. По приезду в Магнитогорск Семену Петровичу пришлось жить и работать в условиях, значительно худших, чем в Ишиме. К несчастью, он заболел сыпным тифом, от которого чуть не погиб. Его спас своим трогательным уходом подружившийся с ним там поэт Павел Хорунжий. Болезнь сильно подорвала и без того слабое здоровье и не дала возможность получить признания своей общественной деятельностью.

Неожиданным выходом из этой тупиковой ситуации явилось приглашение С. П. на работу по специальности во вновь образуемый Уральский физико-технический институт. Дело в том, что академик Абрам Федорович Иоффе, директор Ленинградского физико-технического института, бывшего тогда в ведении Наркомтяжпрома, проводил систематическую политику по распространению физических научных учреждений по всей стране. Им были организованы физические центры в Харькове, Томске и вот теперь в Свердловске — центре уральской индустрии. По инициативе заместителя директора по научной части вновь создаваемого института в Свердловске, профессора Якова Григорьевича Дорфмана, поддержанной академиком А. Ф. Иоффе, и было направлено приглашение Семену Петровичу. Это приглашение было согласовано с Уральским областным комитетом партии, первым секретарем которого тогда был Иван Дмитриевич Кабаков, старый партиец ленинской гвардии.

В Свердловск Семен Петрович приехал уже с путевкой Уралобкома, и, как стало известно, в обкоме уже стоял вопрос о приеме Семена Петровича в партию. В УралФТИ Семену Петровичу предложили возглавить отдел теоретической физики. Можно представить какое значение имело для него такое предложение, обеспечивающее не только возвращение к научной работе, но и включение в состав нового коллектива молодых физиков-теоретиков, знавших его как ученика Л. И. Мандельштама и И. Е. Тамма. Первая встреча со своими будущими сотрудниками состоялась в Ленинграде в июне 1932 г. в ЛФТИ, вторая — там же в связи с приглашением Семена Петровича на Международную конференцию по физике твердого тела в начале сентября 1932 г. А в начале октября весь Отдел теоретической физики УралФТИ собрался во главе с Семеном Петровичем уже в Свердловске. С этого момента он не переставал прилагать все свои силы для организации в Свердловске нового центра теоретической и экспериментальной физики, но этой работе суждено было продолжаться менее пяти лет до апреля 1937 г. В этот период я встречался с Семеном Петровичем только во время его кратковременных командировок в Москву и об этих годах его деятельности лучше могут рассказать его свердловские ученики и друзья.

У Семена Петровича было слабое здоровье, но непреклонная стойкость духа. Его короткая жизнь

состояла из чередования блестящих достижений и трагических катастроф. Но при любых превратностях судьбы он умел сохранять мужество и чувство собственного достоинства.

Москва, январь 1989 г.

СПРАВКА

Дана гражданке Ш У Б И Н О й Любви Абрамовне в том, что определением военного трибунала У Р В О от 7 февраля 1956 года постановление особого совещания при НКВД СССР от 9 апреля 1938 года в отношении ее мужа — ШУБИНА Семёна Петровича отменено и дело производством за отсутствием в его действиях состава преступления п р е к р а щ е н о.

Справка-информация о тов. Шубине С. П.

(Получена по просьбе бывшего первого секретаря Магаданского обкома КПСС А. Д. Богданова.

Шубин Семен Петрович, 1908 г. рождения, уроженец г. Либава (Латвия), беспартийный, по национальности еврей, образование высшее, научный работник—физик. Владел свободно русским, французским, немецким и английским (слабо) языками.

На момент ареста был женат, жена Шубина Любовь Абрамовна, трое детей, самому старшему в 1939 г. было 4,5 года. Проживал в г. Свердловске по ул. Шейнкмана, д. 19, кв. 108. Работал зав. отделом в Уральском физико-техническом институте (г. Свердловск), имел ученое звание профессора. В 1929 г. подвергнулся административной высылке, в 1930 г. высылка отменена.

Арестован 24 апреля 1937 г., 9 апреля 1938 г. осужден к 8 годам лишения свободы Особым совещанием при НКВД СССР по ст. 58-10, ч. 1 и 58-1 (за контрреволюционную троцкистскую деятельность), дело № 8367 находится в г. Свердловске.

В материалах личного дела имеются сведения о том, что 3—4 марта на 1938 г. Шубин С. П. был серьезно болен (температура 40°) и находился на излечении в больнице СМЗ г. Свердловска. В эти дни для него была получена передача от родственников. Убыл из тюрьмы г. Свердловска 11 мая 1938 г., прибыл в Севвостлаг 1 июля 1938 г.

26 июля 1938 г. комиссией рекомендован «тяжелый труд», с 13 ноября 1938 г. числился лесорубом, объект работы — район 223 км основной трассы.

Скончался 20 ноября 1938 г. Обстоятельства смерти зарегистрированы в акте о смерти, который находится в личном деле заключенного: «...умер на подкомандировке 223 км лесозаготовок 20 ноября 1938 г.

Диагноз: Возвращаясь с работы, от слабости сердца по дороге упал и за время доставки на лошади ... с командировки 223 км в стационар п. Атка умер. Причина смерти: умер от упадка сердечной деятельности и обмороживания».

В деле имеется акт о предании трупа земле, составленный в п. Атка, в котором указано, что 20 ноября 1938 г. «труп заключенного Шубина С. П. похоронен на отдельно отведенном кладбище для заключенных...»

По сообщению прокурора области лица, осужденные в Центральных районах страны, подлежат реабилитации по месту осуждения, т. е. по тов. Шубину С. П. данный вопрос должен решаться Свердловской облпрокуратурой.

Зав. государственно-правовым отделом обкома КПСС

22. XI. 89 430/5 вб-2
В. Разумов

Подпись, печать